

УДК 782.1.071(092)

ББК 85.335.41(3)-8

В72

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО
«Издательство АСТ».

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без
разрешения правообладателя запрещается.

MARIA CALLAS

LETTRES & MEMOIRES

Textes rassemblés, traduits et annotés par Tom Volf

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Печатается с разрешения Editions Albin Michel

Фотоматериалы © Fonds de dotation Maria Callas

Перевод с французского языка

Марии Зониной, Дмитрия Савосина, Нины Хотинской

Вольф, Том.

В72 Мария Каллас. Дневники. Письма. — М. : Издательство АСТ,
2024. — 480 с. : илл. + [16 вкл.]. — (*Судьба актера. Золотой фонд*).

ISBN 978-5-17-163908-2

После громкой публикации во Франции книга воспоминаний величайшей оперной певицы XX века Марии Каллас выходит в России. В книгу вошли дневниковые записи, письма, а также редкие фотографии.

«Я написала свои мемуары. Они в той музыке, которую я исполняю — это единственный язык, каким я действительно владею. Единственный способ, которым я могу рассказывать о своем искусстве и самой себе. И в моих записях, насколько они имеют ценность, сохранилась история моей жизни», — писала Мария Каллас.

УДК 782.1.071(092)

ББК 85.335.41(3)-8

© Editions Albin Michel — Paris 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2024

ISBN 978-5-17-163908-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. МАРИЯ КАЛЛАС. ГОЛОС И СУДЬБА <i>Сергей Николаевич</i>	7
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО <i>Том Вольф</i>	15
ВОСПОМИНАНИЯ 1923–1957	21
ПИСЬМА 1946–1977	53
ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 1977	437
ГОЛОС ИЗ ДРУГОГО ВЕКА <i>Теодоро Челли</i>	463
ЭПИЛОГ	479

ПРЕДИСЛОВИЕ

МАРИЯ КАЛЛАС. ГОЛОС И СУДЬБА

Ее много. Она повсюду. Афиши с ее именем. Диски с ее ариями. Современные звезды то и дело примеряют ее судьбу, образы и наряды. И это не фигурально, а буквально так.

В недавнем спектакле «Письма Марии Каллас» Моника Беллуччи играла в ее платье, взятом напрокат у одного итальянского коллекционера. Платье пришлось ей впору, как и роль трагической дивы. На очереди выход грандиозного байопика с Анджелиной Джоли, загримированной под Марию Каллас. Очень похожи. А еще — книги, альбомы, многочисленные публикации в глянцевах журналах. Недавно в Париже я видел одну из таких книг. Огромный и внушительный том вроде тех, что выпускает итальянское издательство Assolune. Книга как атрибут интерьерера, как величественный памятник из глянцевой бумаги, упакованный в атласный переплет. Ему не книжные полки полагаются, а некие массивные пьедесталы, чтобы медленно листать, страницу за страницей, смакуя запах типографской краски и разглаживая шрифтовые изыски.

КТО ВЫ, MR. VOLF?

По редакторской привычке ишу, кто автор этого произведения. И натываюсь на имя, которое мне ничего не говорит, — Том Вольф. Сразу представляю себе седого дедушку, который в детстве слышал Каллас, а после этого долгие годы не мог отделаться от наваждения и вот издал этот полиграфический монумент. Но это еще не все. В Париже мне на глаза попала афиша большой выставки, посвященной певице, в La Sien Musicale. Это новый музыкальный комплекс, куда от центра на метро добираться не меньше получаса, а на такси по парижским пробкам и того дольше. Но ради Марии Каллас можно преодолеть и не такие расстояния.

Приезжаю, подхожу к афише, чтобы пробежать глазами, кто куратор, и снова читаю знакомое уже имя — Том Вольф. Откуда он взялся? Сколько ему лет? Кем приходится певице? Каллас умерла больше 40 лет тому назад. Наследников, как известно, не было. С сестрой и ма-

терью у нее отношения были плохие. Они не общались. Со своим престарелым мужем Баттиста Менигини она рассталась еще в 1959 году. Правда, после смерти Марии он утверждал, что по-настоящему любила она только его. А в подтверждение своих слов демонстрировал ее письма, попутно объясняя, что звездой-то она стала только благодаря ему. Но опять же все это было целую вечность назад. Кто сейчас будет во всем этом рыться, искать улики, приводить доказательства, жить страстями, угасшими еще в прошлом веке?

Но появляется неведомый Том Вольф. И вот тебе фолиант в коробке, и выставка, и новый документальный фильм *Maria by Callas*, и спектакль с участием Моника Беллуччи, и реставрированная видеозапись эпохального концерта Марии Каллас в Париже в 1959 году. Вершина ее карьеры! Как нетрудно догадаться, и тут без Тома Вольфа тоже не обошлось.

ГОЛОС И СУДЬБА

Мы все в той или иной степени заложники мифов. Людям привычно жить в окружении легенд, знакомых с детства. Их тайное покровительство и постоянное присутствие подменяет нам зачастую живые связи и подлинное общение. Глобальная история страсти буквально захватывает тебя сразу, как только ты переступаешь порог первого выставочного зала в *Le Siene Musicale* и идешь по извилистому лабиринту судьбы Марии Анны Софии Кекелии Калогеропулус, известной больше под именем Марии Каллас. И дело тут не столько в изысках дизайна и содержательности экспозиции, хотя все было подобрано со вкусом и дотошной музейной тщательностью: вот свидетельство о рождении, вот первая афиша с ее именем, вот фото, на котором она выглядит аппетитной толстушкой в белой нейлоновой кофточке. Типичная секретарша в офисе средней руки. Неужели она была такой когда-то? Да, была. И впервые вышла на сцену, наряженная в какие-то бесформенные балахоны или утопающая в кружевных турнюрах по оперной моде тех лет, похожая в них на всех провинциальных примадонн разом. Но голос...

В этом и состояло главное открытие выставочного проекта Тома Вольфа: ты подносишь маленький транзистор к узкой щели в стене, и у тебя в наушниках начинает звенеть и вибрировать голос Каллас. Вначале сквозь помехи и царапание патефонной иглы, потом записи станут чище и технически совершеннее, потом приобретут объем и стереозвучание. Но, в сущности, это не имеет большого значения. Ты, как замороженный, идешь на этот голос, как сквозь темный лес. Он и манит, и волнует, и пугает, и требовательно зовет из тьмы. В нем нет безмятежной сладости бельканто. На дне его слышится какая-то

попынная горечь. Иногда он кажется хрупким и ломким, как хрусталь, а иногда зычным, как полицейская сирена. Но это голос, которому нельзя не подчиниться. И вот один «Трубадур», а потом второй, третий... И «Медея» 1956 года под управлением Бернштейна звучит совсем иначе, чем четыре года спустя в Ла Скала. И сорок пять минут «Нормы» — чистое блаженство для меломана. А еще «Тоска» в Опера Гарнье, убийство Скарпио. И эти три глухих крика, как три удара ножом по самую рукоятку: «Mori», «Mori», «Mori». Что чувствовали люди, сидя в зале, если даже сейчас, спустя 60 лет, тебя прошибает озноб? Непонятно. Или сцена сумасшествия в «Лючии де Ламмермур» в легендарной берлинской постановке 1955 года, когда дирижировал Герберт фон Караян. Завораживающее пение городской безумицы, рвущее, изматывающее душу.

ДРУГАЯ МУЗЫКА

И еще. На выставке ты видишь, как под воздействием великой музыки эта женщина меняется, преобразуется у нас на глазах. Не пресловутая диета или проглоченный, по легенде, солитер, а именно музыка делает Каллас ослепительно прекрасной. С этим ее чувственным ртом, запрокинутым профилем, похожим на клюв хищной птицы, с этими ее неопикуемыми глазами, трагическими, всевидящими, всезнающими. Что она там прозревала в своем будущем? Какая тайна ее терзала? На что надеялась?

Если верить таблоидам, то план у нее был вполне земным и конкретным — она полюбила греческого миллиардера Аристотеля Онассиса и захотела выйти за него замуж. Петь, как раньше, она уже не могла. Надо было думать о будущем. Онассис со всеми своими танкерами и миллионами был наиболее подходящей кандидатурой. Но этот знаток пиара и ценитель международных див предпочел более крутой вариант — вдову 35-го президента США, самую знаменитую на тот момент женщину планеты, Жаклин Кеннеди.

Об этом треугольнике исписаны тонны бумаги и сняты километры киноленки. Не хочется повторяться. На выставке я увидел на мониторе кадры, где Онассис с Марией вдвоем нежатся на палубе яхты «Кристина», нисколько не смущаясь нацеленной на них камеры принцессы Грейс Монакской.

А голос звучит все глуше, все тревожнее. В нем все отчетливее слышны режущие ноты и какая-то печальная надтреснутость. Одна за другой выпадают из репертуара коронные партии, как драгоценные камни из оправы. Мария не в состоянии больше их петь. Она отменяет спектакли. Она может только заученно улыбаться фотоаппаратам и мять туалеты, один роскошнее другого.

Она цепляется за иллюзию нового начала — карьеры в кино. Ведь там не надо петь вживую? Зачем-то влюбилась в гомосексуала Пьетро Паоло Пазолини, как когда-то влюбилась в Лукино Висконти. Ее тянуло к мужчинам, которым была не нужна. У тех, как правило, были другие интересы. Кто-то хотел воспользоваться ее славой, кто-то — деньгами, кому-то требовалась ее протекция или имя. Стоит ли удивляться, что в конце концов она спряталась от всех у себя в квартире на авеню Жорж-Мандель, 36, в Париже. Почти никого к себе не пускала, никогда не отвечала ни на чьи звонки и приглашения. И только вечерами перед камином пыталась петь в полном одиночестве, стараясь потихоньку восстановить разрушенный стрессами, несчастьями и перегрузками голос. Марчелло Мastroяинни, который снимал с Катрин Денёв квартиру в том же доме, буквально под ней, рассказывал, как был невольным слушателем этих попыток. Так инвалиды после ампутации учатся ходить на костылях. Но после смерти Онассиса в 1975 году ей жить было незачем. На выставке полностью был восстановлен интерьер гостиной, где Каллас провела безвылазно свой последний год, сидя на диване у телевизора.

ЕМУ ТРИДЦАТЬ ТРИ И ОН ГОВОРIT ПО-РУССКИ

Тогда на выставке я провел в общей сложности 4 часа и вышел с твердой уверенностью, что должен пообщаться с Томом Вульфom. Хотелось увидеть человека, который все это собрал, издал, придумал аудиопартитуру выставки, раздобыл видеофрагменты и бесчисленные документы. После недолгих поисков контактов выяснилось, что Том живет в Париже и будет рад со мной пообщаться. Первое, что меня удивило, — его молодость. Из пресс-релиза следовало, что ему 33 года. Второй шок я испытал, когда услышал его голос в трубке — он превосходно, без акцента говорил по-русски.

История его довольно необычная. Родился в Петербурге, но родители увезли его из России, когда мальчику не было пяти лет, так что говорит почти без акцента, зато пишет с ужасными ошибками. Поэтому на мои мейлы он отвечал по-английски. Детство провел в Париже, мечтал стать режиссером. Но с кино долгое время ничего не получалось. Предел мечтаний — видеосъемки спектаклей в театре Шатле и записи интервью со знаменитостями. На жизнь хватало, но творчества никакого. В какой-то момент решил все поменять: дом, работу, страну. Уехал в Нью-Йорк учиться на врача. Обычная логика: если с искусством не получается, по крайней мере должна быть профессия, которая будет кормить. На Манхэттене, где он поселился, было тоскливо и одиноко. Однажды он проходил мимо МЕТa, где в тот вечер давали оперу Доницетти «Мария Стюарт». Тащиться в съемную комнатку

не хотелось. Со времен Парижа он ни разу не был в театре. Почему не сходить? Купил самый дешевый билет за 10 долларов. Думал, что посмотрит первый акт и уйдет.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО В YOUTUBE

В зале к Тому подошел какой-то импозантный господин и предложил ему место рядом на привилегированных местах в *dressing circle*. «Мы с женой давно купили эти билеты, но она захворала и не смогла прийти».

— Это были роскошные места. Сцена как на ладони. Никогда я не получал такого удовольствия от музыки, голосов, постановки. Стыдно признаться, но это была первая опера в моей жизни. Когда я вернулся домой, то сразу же полез в YouTube искать другие записи Доницетти. И тогда я впервые услышал, как Каллас поет Лючию де Ламмермур.

— **И что это было?**

— Какое-то ошеломление. Я не мог поверить, что это возможно, что на такое способен человеческий голос.

— **Вы хотите сказать, что вы не знали, кто такая Мария Каллас?**

— Слышал имя. Ничего более. Я даже не представлял, чем она занималась, в какое время она жила. Поэтому, когда я стал погружаться в ее мир, слушать ее записи, узнавать подробности ее личной жизни, у меня не было чувства какой-то временной дистанции. Наше знакомство началось так стремительно и спонтанно, что очень скоро я стал ее воспринимать как близкую родственницу. Знаете, как бывает, вначале мы не жили вместе, но виделись часто, потом стали проводить время вместе все больше, потом съехались и стали вести общее хозяйство. И даже до сегодняшнего дня я продолжаю узнавать о ней что-то новое и неожиданное. Наверное, самое поразительное в этой истории — это ощущение духовной близости. Можно сказать, я встретил родную душу. При этом нас почти ничего не связывает. Вокруг меня никто ею не интересуется. Мои сверстники смотрят на эту мою страсть с подозрением. Но это не имеет значения, во всем, что я делаю в память о Марии, есть «сила судьбы». *Forza del Destino*. Каллас говорила, что она сама заложница собственной судьбы. Она любила повторять: «*Destiny is destiny, no way out*» («Судьба — это неизбежность, тут выхода нет»). В общем, мы совпали абсолютно.

СИНДРОМ МАРИИ КАЛЛАС

А дальше с Томом началось то, что на языке психиатров 50–60-х годов называется «синдромом Каллас». Ему все время надо было слу-

шать ее пение, добывать новые и все более редкие ее записи. Главным их поставщиком стал YouTube. Как человек деятельный и практический, он быстро проник в сеть поклонников Каллас, разветвленную по всему миру, — от Австралии до Бразилии и Сейшельских островов. Причем это люди самых разных возрастов: от очень немолодых, еще помнящих живую Каллас на сцене, до совсем юных. Один парень переписывал ее старые пластинки и выкладывал на YouTube, чтобы все могли скачивать ее записи 40-х годов. Том вступил с ним в переписку. Выяснилось, что это австралиец двадцати с чем-то лет, который знает про Каллас все и с ходу может отличить «Норму» 1955 года от «Нормы» 1961-го.

— Мне, конечно, было интересно узнать, кто он и откуда у него такие глубокие знания. Удивительно, но раньше он увлекался heavy metal, был самым настоящим metal pank. Курил наркоту с утра до вечера. Но однажды, услышав голос Марии Каллас, влюбился в нее, стал слушать только ее, бросил наркотики и стал переписывать ее пластинки, рассылая по всему миру. И таких историй множество. Одновременно с моим любопытством и желанием узнать, кто такая Мария Каллас, подспудно во мне крепла уверенность, что это потрясающий сюжет для фильма. Режиссура, о которой я и думать забыл, вновь поманила меня. Мне захотелось снять фильм об этой необыкновенной женщине, тем более что я оказался в эпицентре невероятного информационного потока. На моем пути все время стали появляться люди, которые хотели рассказать мне о Каллас, у которых были какие-то неизвестные документы, связанные с ней, я постоянно открывал все новые и новые ее записи, считавшиеся утраченными. Поначалу у меня не было мысли ни о выставке, ни о книге, ни о спектакле, я думал о документальном фильме. Я прочитал все ее биографии, посмотрел все фильмы о ней, все доступные интервью. За несколько месяцев я получил полный обзор того, что сделано было до меня за последние 40 лет. Особенно меня интересовали документальные фильмы. Их снято довольно много. Но странное дело, в них доминируют голоса тех, кто высказывает свои суждения о ней, но не она сама. И самые сильные моменты этих фильмов — когда говорит сама Каллас. В отличие от других звезд, она никогда не пыталась сочинять о себе миф. Во всех своих интервью она откровенна и прямодушна до какой-то пронзительной беззащитности. Это трогает невероятно. Я не знаю других таких актрис. Могут это засвидетельствовать со всею ответственностью, поскольку видел и слушал все сохранившиеся интервью. Она никогда ничего не приукрашивает, не меняет, не подправляет. Ее версии остаются неизменными до малейшей запятой. И, кроме всего прочего, это заставляет ее уважать как человека, как личность.

— **Вопрос, который напрашивается сам собой. Эта исследовательская работа потребовала наверняка немало времени и средств. Кто вас поддерживал? Кто спонсировал вашу работу?**

— Большую часть проекта я делал на свои средства. Спонсора не было, никаких грантов не было. Мне все последовательно отказали. Проект держался только на моей воле и вере. Только потом подключилось издательство Assolune, но весь материал был собран мной. И они не сильно потратились. Только в последний момент появился продюсер у фильма. А до того я записал самостоятельно более чем 40 часов интервью с людьми, знавшими Каллас. Работа над ним растянулась на 3 года. И только отсмотрев их все вместе, я понял, что нет ничего сильнее и правдивее, чем собственные интервью Каллас. Поэтому от этих 40 часов в моем фильме почти ничего не осталось. Но без них, наверное, не было бы ни фильма, ни выставки. Многие интервью и записи Каллас считались потерянными. Мне пришлось провести несколько суток в подвалах французского телевидения, роясь в пыльных коробках, предназначенных для уничтожения, потому что никто не знал, да и не слишком интересовался, что там. История повторится потом в Англии, в архивах Би-би-си, и в США, и в Германии. Одна и та же ситуация: никто ничего не помнит, никто ничего не знает. Чувствуешь себя археологом и следователем-криминалистом одновременно. Что-то я обнаружил в частных архивах.

«Я ЖИЛА ИСКУССТВОМ, Я ЖИЛА ЛЮБОВЬЮ»

— **И все-таки, какой итог у всей этой истории лично для вас?**

— Как это ни прозвучит странно и даже смешно, но я прожил четыре года с невероятной женщиной. Мне кажется, я знаю о ней все. Шесть месяцев я не выходил из этой монтажной, когда монтировал фильм *Maria by Callas*. Это было похоже на подъем в Гималаи, потому что из всего этого материала собрать фильм на один час пятьдесят минут, не добавляя нигде чужих голосов, ни одного интервью, найти равновесие между судьбой женщины и великой певицы — это был подъем на какую-то немислимую высоту. При этом подъеме у меня было ощущение, что мы были один на один все это время. Это связь на очень глубоком уровне: артистическом, личном, духовном... Я, конечно, испытываю огромную благодарность всем, кто мне помогал, но еще больше самой Марии за то, что она выбрала меня для этой работы. Потому что я убежден, все эти совпадения были неслучайны. И так это было невероятно сложно, наткаться на все отказы, идти дальше и добиваться своего. Какая-то сила все время меня держала и не позволяла впадать в отчаяние. Благодаря Каллас я познакомился с Фанни Ардан, которая за кадром читает ее письма. А позднее судьба свела меня с другой прекрасной женщиной и актрисой Моникой Беллуччи. И мы вместе сделали спектакль по письмам Каллас. В качестве реквизита мы использовали диван, реально стоявший в парижской гостиной Каллас. Даже платья, в которых играла Моника, тоже

раньше принадлежали певиче. Их предоставил итальянский коллекционер, про которого доподлинно известно, что он никогда не расстается со своими сокровищами, приобретенными на аукционах за немалые деньги. Но ради такого случая он готов был пойти на неслыханные жертвы. А главное — платья Марии подошли Монике Беллуччи, будто специально были для нее сшиты. Даже перешивать ничего не пришлось.

Символично, что после тягостной, тревожной весны 2020 года, когда Париж был на карантине и успел отвыкнуть от всяких зрелищ и увеселений, первой во французскую столицу вернулась именно Мария Каллас. Вернулась в формате некоего иммерсивного проекта *Maria by Callas. L'Experience*, который придумал все тот же неутомимый Том Вольф.

А это уже технология XXI века: свет, звук, стереозвучание... Полная иллюзия погружения в некий магический музыкальный космос. А на экране, который окружает тебя со всех сторон, пылает тысяча свечей, и Госка — Мария Каллас — в своем пунцово-красном бархатном платье простирает руки из бездны 3D и поет свое вечное «*Vissi d'Arte, Vissi d'amore*» («Я жила искусством, Я жила любовью»).

*Сергей Николаевич,
март 2024 года*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогая мадам Каллас, дорогая Мария,

я пишу Вам впервые, хотя вот уже пять с лишним лет назад отправился за Вами в неожиданное путешествие, которое буквально перевернуло мою жизнь. Пять лет я странствую по миру, следуя по вашим стопам, встречаясь с близкими Вам людьми, с теми, кто все еще с нами, ибо некоторые воссоединились с Вами на небесах, как наш дорогой Жорж Претр или Ваша верная Бруна. Эти встречи увлекали и вдохновляли меня, наполняя смыслом мою «миссию», целью которой были поиски Вашей правды, стремление представить Вас такой, какой Вы были, избавившись от штампов и сплетен, воздать почести Вашему имени и почтить Ваше искусство и Вашу память, чтобы они жили и впредь, передаваясь из поколения в поколение. Я был предан этой цели сердцем и душой, и посвятил себя ей, как Вы посвятили себя служению музыке и гению дорогих Вам композиторов.

Все началось однажды вечером, в январе 2013 года в Нью-Йорке. В тот день я открыл для себя бельканто. Джойс Дидonato пела в Метрополитен-опере «Марию Стюарт» в постановке Дэвида Маквикара (достойного преемника Вашего Висконти). Таким образом, меня к Вам привел Доницетти, — в тот вечер, вернувшись в свою студенческую комнатку, я впервые услышал онлайн сцену сумасшествия Вашей Лючии, и следом — исполненный проникновенной любви голос Вашей Эльвиры в самой первой записи «Пуритан»¹. Вы пели «*Il dolce suono mi colpì di sua voce!*» («Сладкий звук его голоса поразила меня!»), и меня околдовывали эти чарующие звуки, «*Spargi d'amara pianto*» («Оплачь горькими слезами»), — и я рыдал вместе с Вами, «*Ah, rendetemi la speme!*... («Ах, возвратите мне надежду»)), — и я томился от любви, «*Qui la voce sua soave*» («Здесь Артуро голос чудный»), и чувства переполняли меня. Чувства, до сих пор мне неведомые, никакая музыка еще не пробуждала во мне ничего подобного, это было что-то неземное, от чего трепетала моя душа.

---

¹ Опера Винченцо Беллини, написанная в 1835 году. Весьма трудна для исполнения, партии тенора и сопрано изобилуют высокими нотами, трелями и колоратурными пассажами.

Тогда я еще не знал, почему Вас называют Божественной. Впрочем, этот титул, подразумевавший, что Вы не принадлежите роду людскому, не пришел Вам по душе, Вы ведь так хотели, так мечтали, чтобы в Вас признали именно человечность, — возможно, потому что людям прощают больше, чем богам, а вас так редко прощали... И все же в этом пении было нечто божественное. Теодоро Челли описал его настолько лучше меня в статье, которая Вам так понравилась, что я поместил ее в финале этой книги, думаю, Вы были бы не против. По сей день я затрудняюсь сказать, растрогали ли меня тогда чувства персонажей, мгновенно оживавшие в звуках Вашего голоса, или Ваши собственные чувства и волнение души, которое я ощущал.

Джойс Дидonato сказала мне несколько месяцев спустя: «Тебе открывается новый мир», и действительно, Вы явили мне целую вселенную, волшебную, чарующую. В тот вечер я влюбился с первого взгляда, это была любовь художественная, музыкальная, чувственная, любовь к чудесному миру, в который я перенесся благодаря Вам. В мир Нормы, Виолетты, Леоноры и многих других героинь, которых Вы пробудили к жизни. В тот довольно мрачный период моей жизни Вы принесли мне свет.

Вскоре я понял, что Вы одаривали не только меня, но и множество людей всех поколений, разной культуры и происхождения. И так продолжается уже более шестидесяти лет. Я начал переписываться с Джоном Дональдом, молодым австралийцем лет двадцати, который, будучи когда-то фанатом хард-рока, заплетал дреды до колен и страдал зависимостью от некоторых вредных веществ, — вплоть до того дня, когда он тоже «встретил» Вас, года за два до меня. Через некоторое время после этой встречи он подстригся, прекратил употреблять наркотики и стал одним из величайших знатоков Ваших, так называемых пиратских записей, которые были столь милы Вашему сердцу, — только эти записи Вы и слушали дома, на закате жизни, затребовав их у самих «пиратов», у Дагоберто Хорхе, например, который посылал Вам их в нью-йоркскую «Плазу», или в Париж на авеню Жоржа Мандела¹, как он мне сам рассказывал. Джон Дональд все дни напролет оцифровывал старые винилы, вручную спрессованные в нескольких экземплярах самим Даго и его друзьями сорок лет назад, и бесплатно выкладывал их в открытый доступ. Я был одним из тех счастливчиков, которые этим воспользовались. Джон умел с ювелирной точностью объяснить в своих электронных письмах, часто длиною в несколько страниц, особо виртуозные пассажи спектаклей в Ла Скала, и различия между исполнениями одной и той же партии в разные годы. Живая энциклопедия Вашего искусства, находясь за тысячи километров от меня (мы, кстати, никогда не встречались лично), Джон, щедро делясь своими знаниями, стал моим проводником в Вашу вселенную. Он говорил: «She's out of this world, and second to none» («Она с другой планеты, и не имеет себе равных»). Как же он был прав.

---

¹ Адрес последней квартиры Марии Каллас.

Вот и я, в свою очередь, решил стать таким «проводником». Мне казалось что если я поделюсь со всеми своим опытом, тем, что я сам пережил когда-то, познакомлю с Вашей жизнью и искусством новое поколение, это будет прекрасным подарком, который и мне станет высшей наградой. И только теперь я понимаю, что это оказалось моей миссией. Поиск Ваших близких обернулся сам по себе целой эпопеей, я собирал утраченные или ревностно охраняемые документы и архивы, объездил дюжину стран в надежде найти фотографии, фильмы и, конечно, Ваши письма, что и позволило мне осуществить уникальный, многогранный проект (фильм, выставка, три книги и неизвестные записи), в центре которого царит Ваше слово, ибо я еще в самом начале пути понял, что Вы и только Вы можете поведать нам о своей необыкновенной жизни, — впрочем, так Вы и говорили, добавляя: «After all I'm the one who's lived it» — «В конце концов, я же ее прожила».

Запустить этот гигантский проект, учитывая, что никто в него не верил, было совсем непросто. И я не без некоторого волнения смотрю, как приближается финал нашего долгого путешествия, кульминацией которого является эта книга. Вы были всегда рядом со мной, Вы казались почти вездесущей, и в самые трудные минуты сомнений, когда я сталкивался с многочисленными препятствиями, мне всегда был дан знак, свершалось маленькое чудо, и я мог продолжать свой путь. И еще меня постоянно и безоговорочно поддерживали Ваши близкие, вселяя в меня решимость и веру, без которых невозможно осуществление такого безумного предприятия.

С самого начала я подошел к этой работе и связанным с ней проектам с бесконечной любовью, бескорыстием и смирением, следуя Вашему принципу отдавать всего себя во имя чего-то большего, чем ты сам. Сегодня мои «произведения» уже мне не принадлежат. Фильм *Maria by Callas* объездил более сорока стран, книги отныне в руках читателей. Одноименная выставка оказалась сродни тибетской мандале — словно тысячи разноцветных песчинок, тщательно собранные воедино, просуществовали некоторое время, а потом их стёрло дыханием, возвышенным и изменчивым. Из всего этого я не извлекаю ни выгоды, ни прибыли, за исключением того, что я был «смирным слугой Гения», как пела Ваша Адриана Лекуврер, и если мне и сопутствовал успех, то прежде всего и навсегда он принадлежит, естественно, Вам. Если мне удалось, благодаря усердному труду и преданному служению, внести свой скромный вклад в общее дело, это величайшее счастье для меня. В Париже, Вашем любимом городе, вместе с теми, кто Вам был близок и дорог, мы создали организацию, присвоив ей Ваше имя. На Дотационный фонд Марии Каллас возложена теперь миссия, которую я когда-то взял на себя. Моя же миссия увенчана этой книгой и подходит к концу, и мне кажется, я справился с ней, во всяком случае справился в силу своих возможностей, неизменно стараясь делать все так, как хотели бы Вы, честно и уважительно.

В таком умонастроении я и приступил к заключительной фазе моих странствий, собирая, переводя и аннотируя все тексты, принадлежащие Вашему

перу, которые мне удалось достать, иногда не без труда, за эти шесть лет. Для меня это стало в каком-то смысле апогеем нашей истории, проникновением в Вашу сокровенную жизнь, — должен признаться, что я открыл для себя вещи, о которых мог только догадываться. Мне показалось, что благодаря этим письмам, буквально заглянув Вам в душу, я точнее понял истоки Вашего пения. Конечно, нельзя утверждать, что эта переписка включает в себя все, что Вы когда-либо писали, но, я полагаю, это безусловно исчерпывающий рассказ от первого лица почти о всей Вашей жизни. Вот почему я решил ни от чего не отказываться. Ведь даже самое обычное, на первый взгляд, письмо может оказаться откровением. От нас зависит, научимся ли мы читать между строк. Мне важно было сохранить Ваши тексты целиком, ни в чем не искажая Ваших слов, и представить их читателю в подлинном виде. Я, насколько это было возможно, постарался сопроводить их комментариями, чтобы следовать за нитью повествования и за Вами шаг за шагом. Создание этой книги, равно как и фильма, обернулось в некотором роде составлением гигантского многофигурного пазла из архивов и документов, разбросанных по всему миру, извлеченных из коробок, подвалов и с чердаков — тех фрагментов, что сохранились чудом или стараниями Ваших родственников, друзей и поклонников, которые неизменно доверяли их мне. И я горжусь возможностью познакомить с ними сегодня Вашу публику, в данном случае — Ваших читателей, чтобы они узнали настоящую Каллас, певицу, но прежде всего — женщину. Вы говорили: «Во мне живут два человека, Мария и Каллас, и я обязана соответствовать последней. Но если меня внимательно слушать, мое пение все расскажет обо мне». Так вот, я верю, или во всяком случае надеюсь, что мы все узнаем о Вас из Ваших текстов, которые впервые позволяют приподнять завесу и краем глаза увидеть тайну, ничуть не умаляя ее магии. Фанни Ардан, голос которой оживил Ваши слова в моем фильме, сказала: «Думаю, Мария Каллас своим искусством помогла мне в жизни больше, чем кто бы то ни было». Это одно из чудес, которые Вы совершаете.

Я знаю, дорогая Мария, что Вы просили близких друзей помочь Вам написать автобиографию, которая так и не увидела свет. Вы сказали Дорле Сория в роковом 1977 году: «Однажды я напишу автобиографию, и напишу ее сама, чтобы все расставить наконец по местам. Обо мне было сказано столько лжи». Я приступил к этой работе, помня о Ваших словах. И стремясь к максимальной подлинности, сам занялся переводом Ваших текстов, как можно точнее передавая Ваши слова и особые характерные выражения, которые, даже если и кажутся порой неловкими, так полно раскрывают Вашу личность и Ваши чувства. Я старался хранить верность Вашим словам, будь они написаны на Вашем родном английском, греческом языке Ваших предков или на итальянском, переставшем быть для Вас иностранным, — точнее, на веронском диалекте, который Вы переняли от мужа. Вы обращались с язы-